

— GADGET —
ДМИТРИЙ СИЛОВ

**ЧУЖАЯ
МОСКВА**

**РОМАН-ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ:
НЕ ИГРАЙ В СОБСТВЕННУЮ ЖИЗНЬ!**

Дмитрий Олегович Силлов

Гаджет. Чужая Москва

Серия «Гаджет», книга 1

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25578301
Дмитрий Силлов Гаджет. Чужая Москва:
ISBN 978-5-17-982656-9

Аннотация

Всё начиналось вполне безобидно. На улицах Москвы появилась реклама нового гаджета с интригующим названием «нейрофон». Достаточно вставить в ухо крошечную пластиковую таблетку – и человек погружается в мир дополненной реальности. Серая, скучная, обыденная жизнь обретает невиданные краски. Каждый новый день дарит новые приключения, делая всех пользователей нейрофонов по-настоящему счастливыми людьми.

И в это время в столицу приходит Снайпер. Ветеран многих сражений, решивший вернуться в город, где прошли его детство и юность, чтобы обрести здесь долгожданный покой.

Но найдется ли место воину среди множества людей, отыскавших смысл жизни в искусственно созданной реальности? Ведь, похоже, лишь один Снайпер понимает, что новые технологии не так уж безобидны и что за настоящее счастье всегда приходится платить очень большую цену.

Содержание

Автор искренне благодарит

5

Конец ознакомительного фрагмента.

78

Дмитрий Силлов
Гаджет
Чужая Москва

Серия «Гаджет»

© Д. О. Силлов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Вадима Чекунова, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ за поддержку и продвижение проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне за ценные советы в процессе моей работы над романами литературных проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222»;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Елену Диденко, Андрея Гучкова, Вадима Панкова, Сергея Настобурко и Ростислава Кукина за помощь в развитии проекта «Снайпер»;

а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, писателя Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

Они вышли из темноты под свет тусклого уличного фонаря. Три фигуры, на которые взглянешь вечерком на безлюдной улице и сразу понимаешь – попал. . . Конкретно влип. По самые «не балуйся».

Тот, что в центре, само собой, был «основной». Главный. В плечах пошире, ростом повыше, кожаная куртка поновее, чем у «пристяжи». К нижней губе прилепился окурок тлеющей сигареты. В руке – нож. Недорогой, китайский, цена которому плёвая на любом рынке. Тот, который выбросить не жалко после того, как порезал кого-то. Или убил, например.

«Пристяжь» слева и справа от «основного» выглядела попроще. Тоже в черных куртках – а как же иначе при их «работе»? Правда, похоже, из искусственной кожи, на натуральную еще не накопили. Под куртками – толстовки, типично бандитский образ, заимствованный из популярных романов про аномальные Зоны. У левого в руке велосипедная цепь, у правого – обрезок трубы, которым он для пущего форсу многозначительно похлопывал по левой ладони.

Кстати, лиц троицы было не разглядеть под глубокими капюшонами толстовок, надвинутыми по самые брови. Видать, не хотят, чтоб их портреты видел тот, к кому они сейчас вразвалочку направлялись. То есть чтоб я не видел.

Не дойдя до меня метров трех, «основной» остановился, сплюнул мне под ноги окурок и хрипло поинтересовался:

– Сиги-семки есть?

Сбоку от главаря напряженно замерла пристяжь. Труба

перестала похлопывать по ладони и опустилась вниз. Из этого положения удобно бить железякой в пах – если, конечно, обучен такому удару. Велосипедная цепь принялась раскачиваться туда-сюда. С такой раскочки вполне можно изловчиться и хлестануть по глазам того, кто не знает что такое загадочные «сиги-семки».

Я не знал. О чем и сказал.

– К сожалению, я не понимаю такого рода терминологию, поскольку в приличном обществе она не применяется. Попробуйте более корректно сформулировать вашу мысль и выразить её в выражениях, соответствующих теме нашей беседы. В противном случае, думаю, диалога не получится.

– Ничоси, – сказал «велосипедист», после чего челюсть его отвисла книзу.

– Круто загнул, – многозначительно поджав губы, выдал тот, что с трубой. – Зачёт.

– Значит, умный, да? – зло хмыкнул из-под капюшона «основной», чувствуя, что команда поддержки слегка выбита из колеи моим пассажем и надо немедленно перехватывать инициативу. – Нельзя просто сказать, что пустой как старый барабан? А если найдем чего?

Его «пристяжь», услышав знакомые и понятные речи, вновь вернулась в прежнее состояние равновесия с окружающим миром и, синхронно подхмыкнув жожаку, принялась обходить меня справа и слева.

– Если ни сиг, ни семок нету, то мобилу гони, лохопутало.

И бабосы тоже. По-бырому на!

Странный жаргон. Ничего подобного раньше не слышал. М-да, похоже, многое изменилось в столице за время моего отсутствия. Впрочем, в спальных районах по ночам «кидали» всегда. В этом плане всё осталось по старому, разве что форма подачи информации поменялась. Во времена моей юности, например, в темных переулках продавали кирпич. И, на мой взгляд, выглядело это как-то элегантнее, чем грубые поиски загадочных семок в карманах прохожих.

– Ты чо, оглох, чучело? – глухо поинтересовался тот, что справа. – Ишь ты, в кожаное пальто вырядился. Сымай-ка его нах, мы сами в карманах найдем что надо.

– Может, обойдетесь? – спокойно поинтересовался я.

Троица дружно загоготала.

– Ты не вкурил, терпило? – просмеявшись, сказал тот, что слева. – Или жить надое...

Я любил жизнь. Очень. Поэтому не стал ждать, пока ее начнут отнимать, и начал действовать первым. В таких ситуациях это важно. Тот, кто начинает в драке, тот и выигрывает. Это очень жесткое правило, которое я понял для себя еще в юности, когда мне впервые предложили приобрести кирпич.

Я сделал быстрый шаг вправо по диагонали, одновременно моя ладонь легла на нос и рот вымогателя, не дав ему договорить. Теперь осталось лишь, нажав на ноздри снизу вверх, резко запрокинуть голову «левого» – и не подстра-

ховать его падение затылком вниз на асфальт. На тренировке непременно сопровождал бы падающего спарринг-партнера свободной рукой. На улице это совершенно ни к чему. Надеюсь, что «левый» отделается лишь сотрясением мозга. Хотя может быть и хуже. Ну что ж, увы, я ни разу не пацифист. Скорее даже, совсем наоборот.

«Правый», услышав глухой удар затылка товарища об тротуар, взмахнул железякой, намереваясь ударить меня сверху вниз по голове. В такой ситуации выход один – броситься под мах. Дальше возможны варианты. Например, заблокировать бьющую руку, одновременно нанося ладонью резкий удар в подбородок. Далее захват той самой железяки обеими руками, резкая скрутка корпусом – и дробящее орудие теперь уже в моих руках. Надо же, даже один конец трубы изолянтной обмотан, чтоб удобнее держать было. Неопытные попались грабители. Если, например, «заметут» ребятишек правоохранительные органы, то труба без изолянтной – просто труба. А с ней – именно то самое отмеченное в законе дробящее орудие, которое само по себе не срок, но непременноотягчающее обстоятельство.

Тем самым отягчающим я при обратном повороте корпуса и двинул «правому» под ухо, в точку, описанную еще Гомером в его бессмертной «Одиссее». Ударил относительно слабо, чтоб не убить, ибо при таком раскладе это вполне возможно. Похоже, не убил, хотя тело рухнуло на асфальт, будто я ему в висок из огнестрела выстрелил. Минус два.

Раскручивая стандартную работу «против трех», признаться, я опасался, что «основной», улучив момент, бросится вперед и ткнет меня ножом. Даже при минимальном опыте владения колюще-режущими предметами это вполне реально.

Но – не бросился. Застыл в ступоре от неожиданности на две секунды. А на третью уже было поздно – два его подельника лежали на асфальте, не подавая признаков жизни.

Тут бы главарю и «слиться». Развернуться на сто восемьдесят и рвануть в темноту от греха подальше...

Однако «сливаться» он не захотел. Чувство собственной важности не позволило. Не привык гроза темных переулков убегать от потенциальных жертв. Тем более, когда за пазухой припрятан аргумент более весомый, чем нож в его руке или железяка в моей.

В общем, «основной» отпрыгнул назад, судорожно сунул руку за пазуху и выдернул оттуда самый что ни на есть настоящий пистолет Макарова. С виду. Там, понятное дело, может и травмат оказаться с наваренной для пущей убедительности «бородой», или даже вообще макет массово-габаритный, просверленный и сточенный везде где нужно и не нужно. Но там, откуда я пришел, принято любой огнестрел считать реальным. И реагировать на него соответственно.

– Ну что, урод, допрыгался? – взвизгнул главарь. – Конiec тебе нах, козлина! Пристрелю щас, как енота!

Понятное дело, истерика у кидалы. Хватило б духу убить

– убил бы сразу. Хотя это не значит, что не убьет через три секунды. Накрутит себя своим же верещанием, да и нажмет на спусковой крючок.

Поэтому я плавным, нерезким движением отбросил трубу в сторону и показал главарю вырубленной мною банды пустые ладони.

– Спокуха, бродяга, – сказал я, делая осторожный шаг вперед. – Берега попутал, братву на гоп-стоп берешь? Не по понятиям тема, вкуриваешь?

Как я понимаю, кидалы усиленно косили под блатных сидельцев, отмотавших серьезные срока, хотя получалось у них это не очень. Например, человек, побывавший в местах лишения свободы, никогда никого не назовет «козлом». Ибо зачем бросаться словами, за которые положено отвечать собственной жизнью? Я там был, я знаю. Но, с другой стороны, почему не подыграть тому, кто держит тебя на мушке, «закосив» под своего?

Однако номер не прошел, хотя мой тон и речи слегка смутили главаря.

– Мне твои темы похер, – выкрикнул он, складывая нож об ногу. После чего засунул его в карман и взялся за пистолет обеими руками. М-да, держать оружие его тоже никто не учил.

– Выворачивай карманы нах, а то пристрелю!

– Так твой друг вроде плащ хотел забрать, – сказал я, делая следующий шаг.

– Мне твой кислый шмот в рог не уперся, об него только гады вытирать, – сказал, словно сплюнул, главарь. – Делай что сказано.

– Ладно, – сказал я, делая еще один шаг вперед. – Забирай. Всё твое.

При этом я действительно сунул руку в карман своего плаща и вытащил оттуда старенький карманный персональный компьютер, с виду похожий на мобильный телефон.

– Бери.

Взгляд кидалы сместился на предполагаемую добычу, после чего лицо его скривилось в презрительной гримасе.

– Это что за хрень ты мне втюхиваешь, придурок? Я сказал, мобилу гони, а не это барахло...

Когда противник смотрит на то, что у тебя в руке, пытаешься рассмотреть детали, у тебя появляется бонус размером в одну секунду. Который я и использовал, выпустив из руки КПК. И пока кидала сопровождал взглядом наладонник, падающий на асфальт, я сместился в сторону, одновременно накладывая руки на ствол пистолета и закручивая его по часовой стрелке. При таком движении палец стрелка соскальзывает со спускового крючка, после чего пистолет резко перестает быть другом своего хозяина. И становится орудием возмездия в руках того, кто его отнял.

Звук падения КПК на асфальт совпал с тупым ударом рукоятью «макарова» в лоб незадачливого стрелка. Я особо не церемонился, ударил от души трофейным оружием. Главарь

как стоял – так и рухнул навзничь, дополнительно приложившись затылком об асфальт. Что ж, надеюсь, капюшон смягчил удар и череп кидалы не треснул, как гнилой арбуз. А даже если и так – плевать, одной единицей нечисти на свете будет меньше. Или тремя – это если я переборщил и с его друзьями тоже.

Итак, поле боя осталось за мной. Хотя как поле боя? Бой – это когда с равными. А это шелупонь уличная. Грязь на теле города, не более.

Однако это не помешало мне обыскать бесчувственные тела на предмет трофеев. Если победил – это твое неотъемлемое право. Данную аксиому я вынес с зараженных земель, откуда и вернулся сегодня в родной город после долгих лет отсутствия. Где только не носила меня судьба. И в Украине повоёвывал я вдосталь, и в других мирах тоже побывать пришлось. Оказалось, что везде то же самое. Сильный давит слабого, вытрясая из него всё мало-мальски ценное. Что ж, меня хотели ограбить – и нарвались на ответку. Теперь не обессудьте, ребята. Я далеко не благородный дон из красивой книжки. Скорее, совсем наоборот.

В карманах «пристяжи» не оказалось ничего интересного, кроме дешевых мобильников. А вот у их главаря нашлись солидные трофеи. Бумажник из вроде как настоящей бугристой крокодиловой кожи, набитый деньгами, и здоровенный навороченный телефон, которым при определенной сноровке вполне можно было бы вырыть окоп в полный профиль.

Мобилами «пристяжи» я пренебрег, а бумажник с лопа-тообразным гаджетом забрал. Ибо добытое в бою есть законный трофей победителя. Хотя с такими трофеями в цивилизованном городе надо быть осторожнее – правоохранные органы могут не понять моральных принципов вояки, вернувшегося из черновыльской Зоны отчуждения. Именно так. Из Зоны. С заглавной буквы. В отличие от той, куда попадают юные дарования, мечтающие разбогатеть быстро и сразу посредством отъема материальных ценностей у братьев по разуму.

Пистолет, отнятый у «основного», оказался травматическим, под солидный патрон 45 Rubber. Кстати, зря некоторые недооценивают это оружие самообороны. С близкого расстояния пуля из твердой резины довольно глубоко и весьма болезненно входит в мясо. А выстрел в лицо способен нехило сотрясти мозг и разворотить портрет в лоскуты. Поэтому, чтоб такая игрушка вновь не попала в плохие руки, я распорядился ею оптимально.

Разобрать «макар» – дело двух секунд. Затворную раму я, отойдя на обочину, просто поставил «на попа» и, вбив каблучком в землю, заровнял, словно сигарету каблучком затушил. Всё. Не найти теперь. Пружина с магазином полетели в кусты, а рамка со стволом – в мусорный ящик, стоящий неподалеку. Нормально. С того момента, как «основной» грохнулся на асфальт, прошло не более минуты. Ну и хватит мне тут торчать. Пора сваливать, пока бдительные граждане, не

ко времени подошедшие к окнам в ночной час, не решили, что злобный монстр покалечил три невинных создания, и не позвонили куда следует.

Надо отметить, что оказался я в этом переулке не случайно. Получилось так, что в Москву я прибыл затемно на попутке – и не решился сразу пойти домой. Да, здесь, в столице, у меня был дом. Вернее, квартира, оставшаяся мне в наследство от покойного деда Евсея Минаича. Конечно, ключа от нее у меня не сохранилось, но что стоит вскрыть несложный замок, имея при себе мультитул? Да и если уж совсем не получится, то никто не отменял хороший прямой удар ногой... или более бесшумный вариант отпирания двери при помощи откованного из артефакта ножа, способного вскрывать не только дверные замки, но и границы между мирами.

Но перед тем как идти домой, захотелось мне пройтись, прогуляться по безопасным ночным улочкам Москвы, где не надо оборачиваться на каждый шорох, ожидая выстрела в спину либо броска мутанта, собравшегося полакомиться твоей плотью.

Я ошибся. Мутанты здесь были. И на них я нарвался, угодив в засаду, словно новичок, впервые попавший в черную Зону отчуждения. Хотя, наверно, всё-таки это они на меня напали. Что ж, тем хуже для них. Если выживут, эта встреча послужит им хорошим жизненным уроком.

Мой КПК, упав на асфальт, развалился на три части – корпус, крышку и батарею. Плюс еще что-то по мелочи из него

высыпалось. Удастся ли его починить? Да кто ж знает. Хорошо, что свежий роман успел по электронке редактору отправить перед самым выходом из черновыльскай Зоны, а новый еще и не думал начинать.

Тем не менее «наладонник» было жаль, много мы с ним времени провели вместе. Да и улики оставлять на месте разборки совсем ни к чему. Поэтому, собрав части карманного компьютера, я сунул их в карман и быстрым шагом направился в глубину переулка. Я помнил: этой дорогой нужно пройти мимо трех длинных девятиэтажек, повернуть налево, там еще минут пять пешком – и вот он дом, в который я вернулся из армии... и из которого после череды головокружительных приключений ушел служить во Французский Легион. Помнится, всё это я подробно описал в романе «Закон проклятого»...

А потом была Зона.

И не одна.

Сначала Чернобыльская. Потом московская, через двести лет после ядерной войны. В американской я тоже побывал. И даже в Центральном мире Розы миров, где атомная катастрофа изменила людей настолько, что они научились силой мысли не только двигать материю, но и трансформировать ее как им заблагорассудится.

И вот я снова в Москве. Еще немного – и дома. Ведь у каждого человека должен быть дом, в который он может вернуться после долгих странствий...

Но далеко уйти у меня не получилось.

Из-за угла дома мне навстречу шагнула темная фигура.

Блин, еще один мастер гоп-стопа? Если так, то он наверняка видел, что я сделал с его товарищами, и церемониться не будет. Поэтому я, недолго думая, выдернул из кармана складной нож с клинком длиной в шесть дюймов, за что ножевики и прозвали его «шестеркой». Этот складень мне подарил друг перед тем, как уйти навсегда в Край вечной войны – загробный мир, в который, согласно поверьям жителей кремлевской Зоны, попадают погибшие воины.

Таким ножом, имеющим тяжелую рукоять соответствующей длины, в сложенном состоянии можно и как дубинкой работать. Хотя если у этого типа ствол, никакая «шестерка» не спасет. Я же все свои огнестрелы в Зоне оставил, когда уходил из нее. Типа, от греха подальше, ибо на Большой земле человеком моего вида и в моей одежде, пропитанной Зоной, вполне могли заинтересоваться правоохранительные органы. А у меня ни паспорта, ни вообще никаких документов нет. Только два ножа – «шестерка» и «Бритва», висящая на поясе под плащом, подальше от любопытных глаз. Вот и всё мое имущество. Ну еще денег немного. Я в Зоне пару артефактов продал, так пока до Москвы добрался, от тех денег остались жалкие гроши. Хотя, конечно, трофейное портмоне, набитое крупными купюрами, существенно меняло ситуацию к лучшему.

В общем, выдернул я из кармана складень и рванул к той

фигуре, намереваясь двинуть её для затравки рукоятью «шестерки» в череп. Если, конечно, успею и этот тип не выстрелит на опережение.

Но тут фигура заговорила:

– Не бейте... пожалуйста.

Блин! Я в это «пожалуйста» как в невидимую стену впечатался. Давненько не слышал я таких слов. Кстати, неплохой психологический трюк – расслабить нападающего эдакими вежливостями, а потом зарядить с ноги в пах или ножом в печень. Может, это оно и есть?

У правильного сталкера в карманах помимо пары ножей и мультитула всегда фонарик имеется. Вот и у меня он был. Мощный, светодиодный, но в то же время легкий и компактный. Не выпуская ножа из руки, я левой достал тот фонарь и, щелкнув выключателем, направил поток света на лицо говорящего...

После чего сразу сунул нож обратно в карман.

Передо мной стоял типичный ботан, какими их рисуют на карикатурах. С виду лет двадцать пять. Жиденькая бородка, явно отращенная для того, чтобы обладатель худого, осунувшегося лица выглядел более солидно. Одежда под стать – страшненькое и довольно грязное осеннее пальто, болтающееся на тощих плечах, словно на вешалке.

– Не бейте, – повторил ботан.

– Не буду, – сказал я.

– И уберите, пожалуйста, свет, глаза режет.

– Может, тебе еще станцевать, – буркнул я, но фонарь выключил и отправил на место следом за ножом. После чего двинул в обход странного ботана, любящего шастать по ночам в темных переулках. Хорошо что я ту гоп-компанию уделал, а то бы, думаю, несдобровать этому юноше бледному со взором горящим...

Но ушел я недалеко.

– Круто вы их избили, – сказал мне ботан в спину. – Они живы, не знаете?

Опаньки... А я еще успел порадоваться, что окна близлежащих домов после нашей разборки остались темными. Никто не проснулся на шум, свет не включил, чтоб найти тапочки, к окну не подошел...

Оказалось – увы. Один свидетель был. Похоже, из-за угла подсматривал за тем, как я учил хулиганов уму-разуму. Вот ведь не было печали... Пальто-то у меня приметное, кожаное, да с капюшоном. Значит, придется от него избавиться, уповая на то, что ботан не успел как следует разглядеть моё лицо. А то у нас же как. Кто побил-покалечил, тот преступник и есть. И никого особо не интересуется, за что и почему ты это сделал. Руку, сжимающую нож, сломал? Сдвинутые набекрень мозги сотряс? Ай-яй-яй, сто процентов превысил предел необходимой самообороны. Мягче надо было, толерантнее, по-доброму. Ах, ты по доброму не умеешь? Всю жизнь учился ломать ручонки, тянущиеся к твоему горлу? Тогда тебе, социально опасному элементу, прямой путь

в изолятор с навязчивым сервисом и решетками на окнах.

В изолятор мне не хотелось. Бывал, не понравилось. Но что тогда со свидетелем-то делать? Не об асфальт же его головой бить, надеясь, что из нее вылетят не нужные мне сведения.

Но пока я, остановившись, подвисал, ботан подкинул мне еще информации.

– Впрочем, какая разница, что с ними стало. Представляете, они отняли у меня мобильный телефон и бумажник. И еще ударили. Два раза. Очень сильно, в грудь и по голове. Я даже упал, пальто вот испачкал.

Да уж, «сильно ударили»... Видать, не знаешь ты, юноша, что такое сильный удар. И не дай Зона тебе это узнать, а то ж помрешь на месте от такого испытания. Так... Значит, мобила и лопатник – его. Ясно, чего ж тут неясного.

Я достал из кармана и то и другое, развернулся на сто восемьдесят и протянул ботану. Взятое с бою тогда настоящий трофей, когда ранее он принадлежал врагу. И никому другому. А в данном случае если я добытое себе заберу, то чем я лучше тех уродов? Правильно, ничем.

– Это... что? – не понял ботан, а может, не разглядел в темноте.

– Твои вещи, – сказал я. – Забирай.

– Вы... Вы мне всё возвращаете? А я и не смел надеяться...

Я поморщился. Отвык я в Зоне от этих «выканий», вроде

как другого человека во множественном числе называешь. В этом плане у америкосов проще. Вместо нашего типа своего «ты» и типа вежливого «Вы», да еще и с большой буквы, сказал – «ю». И всё понятно. Без повода для интеллигентных обид типа «а Вы мне не “тыкайте”!» и быдляцких – «а ты чо мне “выкаешь”-то?» Но – ментальность, ничего не попишешь. И если уж вылез из-за кордона, изволь привыкать обратно к вежливому обращению.

– Теперь смей...те, – сказал я – и поморщился снова. В вежливой форме хрень какая-то получилась. В общем, да ну на фиг. Начал ботана на «ты» называть, так пусть и будет. Хотя какая разница? Сейчас заберет он свое барахло, и на этом наше знакомство закончится. Мне вообще домой давно пора.

Ботан же на мобилу внимания особого не обратил. Схватил свой бумажник и умоляющим голосом попросил:

– А вы фонариком не посветите? Пожалуйста, очень нужно.

Я вздохнул, полез в карман. Связался, блин, на свою голову. Ну ладно, хрен с ним, уж больно жалостливо просит.

Посветил. Ботан, щурясь от яркого луча, полез вовсе не деньги считать. Трясущимися длинными пальцами открыл маленькое отделение для мелочи внутри крокодилового лопатника и, достав оттуда крохотную флешку, облегченно вздохнул.

– Представляете, здесь целый год моей работы. Как на-

зло, жесткий диск рабочего компьютера сегодня сторел, а это единственный бэкап.

– Чего?

– Резервная копия. Она сотни таких бумажников сто́ит вместе с содержимым. Я тех хулиганов просил вернуть только эту флешку, остальное забрать, а они только посмеялись и ударили... Ну, вы знаете.

– Трогательная история, – кивнул я. И не сдержал любопытства: – А что ж ты посреди ночи по улицам шастаешь вместо того, чтоб спать, как все порядочные люди.

Ботан потупил взгляд и, как мне показалось в неверном свете луны, даже немного покраснел.

– Я... порков ловил, – сказал он, запнувшись. – Ночью они лучше всего ловятся. Все люди спят, никто самых жирных не перехватит. Только ходи да собирай.

Хммм... Похоже, уличные гоп-стопщики всё-таки сильно ударили ботана по голове. Но я уточнил на всякий случай:

– Чего ты ловил?!

Ботан внимательно так посмотрел на меня, с сочувствием во взгляде, словно это не он с ума сошел, а я.

– Вы что, не лóвите? Хотя да, с таким барахлом, что у вас было... Ой, извините, я просто разглядел тот гаджет, что вы уронили... В общем, смотрите.

Он включил свой мобильник, потыкал пальцами в экран, после чего развернул его ко мне:

– Вот. Ничего сложного. В эту игру сейчас рубятся даже

школьники младших классов.

На экране был тот же переулок, где мы стояли, только слегка подсвеченный. Будто не телефон в руке ботан держал, а видеокамеру. Слышал я в Зоне о таких телефонах, но к нам их барыги не завозили. Зачем? Всё равно на зараженных землях только вот такие как у меня кондовые КПК работали, а навороченные аппараты тупо дохли от радиации сразу, как только их проносили через кордон.

В общем, телефон ботана снимал очень четко. И я видел, что помимо стен домов, асфальта и череды тусклых фонарей в переулке есть еще что-то, отдаленно напоминающее мутантов Зоны.

Их было две штуки. Один напоминал слабо фосфоресцирующую медузу, прилепившуюся к стене дома, а второй – мохнатого восьмилпаго спира. Эдакую помесь лемура и макаки, прыгающую по фонарям, словно по ветвям деревьев.

– Видите? – торжествующе проговорил ботан. – Это и есть порки. Игра такая, наложенная на существующую реальность. Человек выходит на улицу, словно на охоту, только вместо дичи – компьютерные твари. Их можно убить, выстрелив из виртуального ружья, вот оно, внизу экрана. Видите, я нажимаю на него – и порк падает. Но всё же лучше его поймать, откормить, поместить в свой личный зверинец, а потом их можно...

– Всё, я понял, – перебил я ботана. Никогда не понимал этого увлечения компьютерными играми. Вместо того, чтоб

ярко проживать свою жизнь, народ уходит в виртуальную и живет там. Да только живет ли?

Впрочем, каждый выбирает то, что ему нравится. Мне же однозначно домой пора, а я тут стою и какой-то бред слушаю.

– Пойду я, пожалуй, – сказал я. – Доброй охоты.

– Подождите!

– Да что еще? – уже с долей раздражения бросил я. Ботан начал надоедать своей навязчивостью. Я, конечно, бить его не буду, но если не успокоится, могу послать. Очень даже грубо и совершенно нецивилизованно.

– Возьмите.

Ботан протягивал мне мобилу и свой бумажник, из которого он не достал ничего, кроме флешки.

– Берите-берите, – повторил он. – Я хорошо зарабатываю и могу себе позволить отблагодарить человека, который вернул мне год жизни. Мой гаджет всяко лучше вашего КПК, который, по-моему, приказал долго жить. Это противоударная модель с кучей возможностей, которую я вдобавок полностью переделал под себя. Но вам нужнее. В современном мире без качественного гаджета никуда.

– Да я...

– Вижу, что вы долго не были в Москве и отвыкли от всего. Ничего страшного, с мобильником вы разберетесь, там интуитивно понятное меню. К тому же очень скоро такие телефоны уйдут в прошлое. Грядет новая эра технологий будущего.

– Всё равно это слишком дорогой подарок, – попытался отбрехаться я. Не привык, чтоб мне кто-то что-то дарил, а всё непривычное у человека моей профессии вызывает опасение на интуитивном уровне.

Но ботан не отставал.

– Я все данные с этого мобильного уже перенес на новый гаджет, так что он был мне нужен только для охоты. Но после сегодняшнего, думаю, с ночными походами я завязал. А днем – работа. Так что не стесняйтесь.

– Ладно, уговорил, – кивнул я, забирая предложенное. – Благодарю.

– Это вам спасибо, – отозвался ботан. – Ладно, пойду я. Спокойной ночи.

И ушел.

Да уж, интересные дела в столице творятся. Не успел приехать, как чуть не покалечили, после чего мою добычу мне же и подарили. Впрочем, моя прошлая биография приучила меня ничему не удивляться, так что я, отбросив лишние мысли, сунул подарки в карман и направился домой – благо идти было недалеко.

Подъезд за время моего отсутствия слегка подновили-подкрасили, но в целом ничего не поменялось. Лампочка над лифтом как была тусклой и засиженной мухами, так и осталась. Сам лифт всё так же громыхал при подъеме, задевая кабиной межэтажные перекрытия. И если раньше, помнится, этот грохот раздражал, то сейчас я даже несколько

умилился воспоминаниям, пронесенным через годы и вот сейчас получившим свое подтверждение в настоящем. Домой я вернулся. Домой... Реально, как самый обычный человек, у которого есть на этой планете свой и только свой угол. Даже у мыши имеется личная нора, даже у дворовой псины – конура, насквозь пропахшая ее шерстью. И потому родная. Своя...

Лифт дернулся, двери открылись. Я вышел и остановился перед дверью, всё так же обитую дешевым дерматином. Постоял немного, рукой дотронулся, словно опасаясь, не морок ли это, не наваждение ли. Потом тряхнул головой и достал из ножен «Бритву».

Нож, откованный из артефакта, слабо светился в полумраке лестничной клетки. Можно было, конечно, ту дверь и ногой выбить, но не хотелось грохотать на весь подъезд. А возиться с мультитулом терпения уже не было. Уж больно хотелось побыстрее домой попасть.

В общем, я всё сделал аккуратно. Ввел клинок между дверью и косяком и слегка надавил книзу.

Лезвие, способное рассекать границы между мирами, легко перерезало ригель несложного замка. Дверь слегка скрипнула петлями. Открыто.

Я вздохнул, спрятал «Бритву» обратно в ножны, распахнул дверь...

И замер.

В квартире присутствовал запах жилья. Не запустения,

как я ожидал, не многолетней пыли и затхлости, а совсем наоборот.

Пахло картошкой, жаренной на сале, перегаром, старыми носками, дешевыми женскими духами. Все эти оттенки мой нос, привычный различать запахи Зоны, моментально вычленил из общего душного запаха жилого помещения, пропитавшего обои, потолок, пол...

Чужого запаха.

Которого здесь не должно было быть.

Я перешагнул порог. Рука сама привычно нащупала выключатель. Щелчок – и свет залил знакомый тесный коридор... заставленный, завешанный, захламленный чужим барахлом.

На редкость безвкусная картина на стене. Велосипед возле старой вешалки, оставшейся мне в наследство от деда Евсея. Чьи-то шмотки на той вешалке, поверх которых зацепилась за самый край крючка дурацкая ковбойская шляпа. Интересно, кто же это так вольготно обосновался в моей квартире?

Ответ не заставил себя долго ждать.

Послышалась дробь босых ног, выбиваемая по полу, и из комнаты выскочил мужик в майке и семейных трусах. Плотный такой дядя, крупный, хоть и с пивным животом. В руке большой кухонный нож длиной сантиметров в тридцать, которым ну совершенно невозможно убить-порезать человека и который поэтому ни разу не холодное оружие. В отличие от

холодного, которым, стало быть, можно. Кто это, интересно, придумал такую ересь, мол, вот тот нож – он да, холодный и опасный. А вот это пырляво в руке у плотного дяди, которое если всадить в брюхо, то на дециметр из спины выйдет – вполне себе легальный и неопасный кухонный предмет хозяйственно-бытового назначения.

У меня всегда так. Как кто-то собирается меня замочить, так сразу ко мне в голову приходят философские мысли о несовершенстве мира и бренности бытия. При этом они совершенно не мешают моему организму адекватно реагировать на опасность. Я мысли думаю, организм реагирует на рефлексах. Ему мои мысли не нужны, он сам знает, что нужно делать с дядями, собирающимися меня зарезать.

Правда, мужик свежевать незваного гостя не торопился. Проморгался со сна, сфокусировал взгляд и заорал:

– Чо, блин, за нах? Ты кто такой, мать твою?

Я молчал. Интересно мне было, что мой организм сделает с дядей, когда тот на меня всё-таки кинется. По этому поводу я даже размышлять перестал о неуловимой и явно отнефиг делать придуманной грани, отделяющей «холодняк» от «хозбыта». Или, может, не ждать, а просто отобрать у дяди колюще-режущий предмет, воткнуть ему его, скажем, в левую ягодицу и вернуть вопрос, который этот носитель трусов и живота поверх них задал мне – только в более культурной форме. До такого быдла вежливость лучше доходит, особенно если при этом клинок в мягком месте разок-дру-

гой повернуть.

Но тут случилось неожиданное. Для меня. То есть настроился я, значит, отбирать у невоспитанного дяди ножик, после чего начать задавать ему вопросы на тему, какого, собственно, хрена он в моей квартире делает. Но – не успел.

Из комнаты выглянула женщина. Полная, заспанная, в застиранном халате, лицо побелевшее от волнения, и глаза – что чайные блюдца, большие и круглые от ужаса.

Однако дело было не в ней. Нормальные мужики в подобных ситуациях слабый пол просто отодвигают в сторону и продолжают дальше разбираться.

Но из-за спины женщины высунулась мордашка еще более белая от страха, чем мамкина, хотя, казалось бы, белее уже и некуда. Девочка лет восьми. Смотрит на меня не мигая и не плачет. Шок. Понятное дело: среди ночи дверь ее – теперь уже ее – дома вскрывает какой-то бомж. Рожа злая, небритая, руки в кулаки сжаты. Любому понятно, даже мальцу, – папку бить собрался, а может, даже убивать. А потом за них с мамкой примется...

Короче, эта детская мордашка решила всё.

– Извиняюсь, – сказал я. – Квартирой ошибся.

И вышел, думая только о том, чтоб мужик с ножом не решил, что я его испугался, и на лестничную клетку не выскочил. Тогда придется его сильно огорчить. И ребенка, который, увидев кровь на разбитой папашинной морде, наверняка психологическую травму получит.

Но дядя оказался сообразительным. Пока я ждал лифт, из-за двери лишь вопли неслись:

– Кто это? Почему ты его не зарезал?!?!

Дама в халате, похоже, резко отошла от шока и освободившийся поток эмоций вылила на супруга.

– Да я почему знаю кто?! – визгливым, бабьим голосом зарорал супруг. Тоже, видать, напряжение решил снять популярным бытовым упражнением, называемым «скандал».

– А если не знаешь, звони в полицию, пусть они узнают! Он, небось, еще недалеко ушел!

– Да нахрен он мне упёрся? Мне вообще через четыре часа на работу вставать! Закрой дверь на щеколду и спи, дурища! Только и знаешь, что орать!

– Это я дурища? Ах ты...

Я шагнул в наконец-то приехавший лифт, нажал кнопку. Двери захлопнулись, кабина поехала вниз, оставив там, наверху, чужой ночной скандал и мой дом, который больше не был моим. Если б не ребенок, я бы нашел способ разобраться, кто и по какому праву вселился в мою квартиру. Но это маленькое «если б» было слишком существенным для меня. Я словно себя глазами той девочки увидел – и понял, что не хочу быть для незнакомого мне ребенка злым и страшным существом, вылезшим из-за кордона и отнявшим его привычную вселенную. Тот, у кого её отнимали не раз, не понаслышке знает, что это такое...

Куда ночью податься бездомному в спальном районе большого города? Правильно, туда, где тепло. Ибо на дворе стояла матёрая осень и от промозглой сырости уже не спасал кожаный плащ, в нескольких местах порванный и кое-где продырявленный пулями. Поскольку деньги теперь у меня были, я поставил себе две задачи: с утра найти жильё и прикупить приличную одежду. Ибо грязный шмот с характерными отверстиями, слегка обожженными по краям, однозначно рано или поздно вызовет вопросы у правоохранителей.

Итак, я стал искать место для ночлега. Идею согнать по-мойного кота с теплого канализационного люка я отбросил. Маловат люк, не помещусь. Да и кота стало жалко. Лютый вспомнился. Матерый каракал, которого я подобрал еще котенком и тут, в Москве оставил. Где-то он сейчас... Жив ли? Теперь уже, наверно, и не узнать, сколько лет прошло. Да и адрес тот, где я Лютого-Лютика оставил, из памяти стерся напрочь. Как отрезало. Странно, обычно у меня подобного не бывает. Похоже, я становлюсь не только сентиментальным, но и забывчивым...

С такими вот мыслями шел я себе по ночным кварталам, пока не наткнулся на забор. Ага. Задумался – и не заметил, как дома-то остались позади. А впереди, стало быть, ограждение из профлиста высотой около трех метров. И прямо в

это ограждение из земли кусок толстенной трубы уходит. Пощупал я ту трубу – теплая, чуть не горячая. То, что надо.

Встал я на нее, подпрыгнул, ухватился за край забора, да и перемахнул на ту сторону. Где та труба обозначилась во всю длину. Правда, куда она уходила, было не разглядеть – темень. Тучи обволокли небо, ни черта не видать. Ну и ладно, я не любопытный.

В общем, разлегся я на трубе, как на койке, обнял ее, родимую, да и вырубился почти сразу. Много ли надо бродяге типа меня, привыкшему спать на голой земле? Совершенно верно, немного. Теплой трубы под боком и отсутствия дождя вполне достаточно.

...Мне показалось, что я только глаза закрыл, как над моей головой вдруг раздалось:

– Это что за нахрен? Бомж на режимном объекте?

И следом бок взорвался нешуточной болью.

Ударом меня сбросило с трубы, однако мое тело отреагировало правильно. Приземлился я на четыре точки, но сразу вскочил на ноги и, еще спросонья не продрав глаза как следует, треснул кулаком в морду тому, кто стоял рядом. Чисто рефлекс сработал. Хотя, по идее, тот, кто меня ударил, должен был находиться по другую сторону трубы. Но это я осознал уже через секунду после того, как мой кулак отозвался болью от резкого контакта с чужой челюстью.

Кстати, впечатление о том, что я и не спал вовсе, было обманчивым. Кромешную ночь сменило унылое, пасмурное

осеннее утро, ни разу не способствующее хорошему настроению. Да и подобное пробуждение добавляет негатива в копилку эмоций. Например, не понравилось мне, что мужик, которого я в челюсть звезданул, от удара не вырубился, а только покачнулся. Здоровый, зараза, из тех, про которых говорят: «что поставишь, что положишь».

Одет мужик был в камуфляж, без погон и знаков различия. Охотник, что ли? Ведь даже у самой затрапезной охраны шевроны имеются, не говоря уж о военных.

Впрочем, мне его знаки по барабану были, так, автоматически для себя отметил, пока второй раз с левой по его квадратной морде бил. Тут же как? Если начал кого-то метелить, нужно доводить дело до конца, пока противник не очухался и не отметелил тебя.

Второй удар в край подбородка оказался результативнее. От него громила рухнул на пятую точку и замотал башкой, пытаюсь сфокусировать резко расплывшуюся картину мира.

При этом я как-то совершенно забыл о том, кто меня так невежливо разбудил. Я как бы его и не видел спросонья, но стоило б догадаться, что тот, кто меня ударил, сейчас небось перелезает через трубу, чтобы помочь товарищу. Или еще какую-то каверзу гоовит.

Не догадался. И тут же за это поплатился.

Выстрел грохнул чуть не над ухом, и тут же резкий удар сзади в плечо напрочь отсушил левую руку. Твою ж душу, пулевое! Что в городе означает по цепочке: больница – пра-

воохранители – разборки и, скорее всего, тюрьма. Для меня. Ибо если ты бомж (а кто ж еще?), да без паспорта, да с прошлым, которое непременно раскопают по тем же отпечаткам, что некогда катали в следственном изоляторе, то неважно, кто и за что тебя подстрелил. Сидеть будешь ты, и это так же очевидно, что моя левая отсушена и не двигается, так как я ее просто не чувствую!

И такое меня зло взяло, что выдернул я пока еще невредимой правой рукой из кармана свою складную «шестерку», да и швырнул ее в рожу стрелку, явно собирающемуся стрелять в меня вторично из куцега пистолета странной формы.

Выстрелить он, кстати, успел, но я был готов к этому и за мгновение до того, как из пистолета вырвалось пламя, бросился в сторону. Нормально получилось, пуля лишь мимо виска вжикнула. То есть в голову мне стрелял, паскуда! Ладно. Хорошо, что не попал. В отличие от меня.

Тяжелый нож, в сложенном состоянии представляющий собой увесистый кусок металла, попал стрелку в рожу. Удачно. Бровь рассек, откуда на правый глаз тут же хлестанула кровь. Область лба и бровей сплошь пронизана кровеносными сосудами, прикрытыми тонкой кожей, так что при глубоком рассечении льёт оттуда – мама не горюй.

Третьего выстрела я ждать не стал. Собрался с силами, перемахнул через трубу, с ноги вдарил стрелку по колоколам, а после – по руке, всё еще сжимающей куцый четырехствольный пистолет. Рассмотрев который я слегка подобрел.

Ибо не полноценный огнестрел это был, а «Оса». Травмат жестокий, но – травмат, предназначенный не убивать, а причинять боль. Хотя, конечно, если из «Осы» в башку зарядить, то можно и реальный труп получить в результате проломленного черепа.

Есть у меня одна особенность. Когда я добреть начинаю, то желание убивать нехороших людей как-то притупляется. Взамен которого возникает потребность в воспитательной работе. Которую я и реализовал в полной мере.

Подобрав с земли в который раз уже выручившую меня «шестерку», я прихватил заодно и «Осу», выпавшую из руки стрелка. Занят он был, не до «Осы». За колокола держался, негромко подвывая от боли и тупо глядя прямо перед собой вылупленными глазами. Да, хорошо поставленный удар с ноги в область гениталий по эффективности заменяет любое оружие самообороны, разрешенное к применению в России.

Но я на этом не успокоился. Пинать со всей дури спящего человека, а после стрелять ему в голову с явным намерением убить – это скотство. Которое надо наказывать. Что я и сделал, приставив пистолет к правой ноге стрелка и нажав на спуск.

«Оса» приглушенно тьякнула – и, как я понимаю, охранник офигенно важного режимного объекта безвольно рухнул на землю. Отрубился от шока. Что ж, как минимум трещину бедренной кости он получил. Плюс тупорылую пулю долго, нудно и больно придется извлекать из размозженного мяса.

Искренне сочувствую. Зато, может, в будущем задумается сей хранитель чужих ценностей, что бомж – такой же человек, как и все мы, которому просто меньше повезло в жизни. Например, вернулся он к себе домой – а дом уже и не его. И ничего не остается бездомному, как искать себе теплую трубу, чтоб ночью не окочуриться от холода.

Думал я безопасности ради выпустить четвертую пулю во второго охранника, пытающегося подняться с земли – но не стал. Плохого он мне ничего не сделал, просто не успел, так как я ударил раньше. Но это не его проблемы. Поэтому хватит с него.

Приняв такое решение, я зашвырнул «Осу» в густой кустарник, после чего не без труда взобрался на трубу, пробежался по ней, прыгнул, дополнительно в полете оттолкнувшись правой рукой от края забора – и приземлился уже по другую сторону ограждения.

При этом левое плечо дернуло болью. Но я уже понял, что произошло, и даже не особо расстроился. Тупорылая пуля, выпущенная из травмата, рванула мясо, к счастью, не повредив сустав. Плюс свободный кожаный плащ частично погасил удар – правда, на месте попадания появилась еще одна прореха. Ничего страшного, одной больше – одной меньше. Всё равно я твердо решил первым делом заняться одеждой, а потом уже всем остальным. Да и отсушенная рука уже понемногу начала шевелиться. Так что нефига унывать, жизнь налаживается.

Минут за двадцать я бодрым шагом удалился на приличное расстояние от проклятущего режимного объекта. Было понятно – сейчас тамошнее руководство интенсивно названивает в правоохранительные органы, подробно описывая колоритного бомжа в кожаном плаще, напавшего на охрану. Естественно, правоохранители отреагируют не сразу – на рассвете куда-то бежать и кого-то искать изрядно ломает. Но, раскачавшись, могут-таки порядком отравить мне жизнь. Поэтому следовало срочно сменить маскировку.

Пока я шагал по улице, сканируя взглядом местность и ища приличный магазин шмотья, поневоле отметил интересную особенность. Несмотря на ранний час, многие люди уже спешили на работу. И при этом как минимум у половины из них торчали в ушах наушники с тонким проводом, уходящим в недра одежды. Периодически такие люди останавливались прямо посреди улицы, доставали свои гаджеты и начинали в них интенсивно копать. При этом даже встречались типы, умудряющиеся идти по улице, уткнувшись в экраны своих телефонов. Вероятно, там, в этих устройствах, бурлила гораздо более интересная жизнь, нежели та, что окружала владельцев гаджетов. Забавно. Когда я уходил из Москвы служить в Легион, ничего подобного не было. Хотя и мобилы в то время были совершенно не похожи на мощные карманные компьютеры...

Был и еще один момент. Многие мужики – а порой и девочки – были одеты в «милитари». Начиная от простых ка-

муфляжей и заканчивая одеждой, смахивающей на униформу Первой мировой войны. По ходу, Москву накрыла новая волна пятнистой моды. Что ж, мне же на руку. Не придется вновь привыкать к совершенно непрактичной и неудобной гражданской одежде.

Придя к такому выводу, приподнявшему мое настроение еще на несколько градусов, я проигнорировал большой торговый центр, повстречавшийся на пути, и свернул в оружейный магазин, где наконец сменил «шкуру».

Результатом этой смены стал комплект серо-черно-белого городского камуфляжа: рубашка, штаны, куртка, в которых была уйма карманов, включая внутреннюю потайную кобуру для пистолета. Вот это я понимаю – одежда. Нигде не жмет, не тянет, в отличие от джинсов, в которых по морде никому ногой не съездишь без риска отдавить себе гениталии натянувшейся материей либо порвать ее нахрен от ширинки до копчика.

Тут же прямо в примерочной подвесил я на новый пояс свою «Бритву», а также переложил в карманы новой «шкуры» своё нехитрое имущество: зажигалку, нож-«шестерку», сломанный КПК, пока еще целый телефон и маленький кусочек лохматой шкуры, некогда принадлежавшей... Так, стоп воспоминания. Считай, снайпер, что нет у тебя прошлого. Без него жить проще.

Также прикупил я себе очень неплохие берцы взамен моих старых, напрочь убитых Зоной. После чего до меня до-

шло, что денег, которые мне дал ботан, на самом деле не так уж и много. Это раньше на тысячу рублей можно было неделю жить. Сейчас, в принципе, тоже можно, если кушать только хлеб и пить только воду. Может, даже еще на пару консервов останется.

Короче, нужно было как-то определяться с вопросами, где жить и на что жить. Денег после покупки одежды осталось две тысячи – как раз на две недели. Хотя на одном хлебе с водой я, пожалуй, столько не протяну. Да и сон на теплых трубах меня больше не прельщал. Ибо не высыпаюсь я на них, уже проверено.

Вышел я из магазина, почесал ноющее плечо, потом пошел к притулившемуся возле торца здания мусорному баку и сунул в него свою свернутую в ком старую одежду. Ну, вот и всё, с прошлым покончено. Да здравствует светлое будущее... Надеюсь, светлое, м-да.

Передо мной лежал просыпающийся город возможностей. Мегполис, в котором каждый день делались большие дела и крутились сумасшедшие деньги. Но в этот водоворот пускали далеко не всех. Туда нужно было пробиваться, прогрызая себе путь, расталкивая локтями других, тоже желающих пролезть поближе к эпицентру водоворота. Об этом я как-то забыл, пробираясь через кордон на Большую землю. Просто домой захотелось. Очень.

Что ж, снайпер, вот оно тебе, твое исполнение желания. Еще суток не пробыл ты в родном городе, а уже тебя попы-

тались и ограбить, и убить. И с домом, в который ты так хотел вернуться, накладочка вышла... Так что остается-то? На обратную дорогу денег нет, да обратно в Зону как-то и не хочется. Какие варианты? Доставать «Бритву» и вновь рубить границу между мирами, надеясь, что по ту сторону разреза окажется более приветливая вселенная, чем столица, всё больше казавшаяся неродной, хмурой, недовольной фактом моего возвращения. Чужой...

– Да не, это всегда успеется, – пробормотал я себе под нос. Да и как-то слабостью пахнет – не успел столкнуться с первыми трудностями, и сразу сдался. Нет, так сто процентов не пойдет.

Краем глаза я заметил, как в мусорный контейнер, откинув крышку, нырнул грязный бомж, появившийся словно из ниоткуда. Подхватил сверток с моей старой одеждой и тут же бросился бежать, словно я мог его догнать и отнять добычу. Я усмехнулся. Ну вот, кому-то намного хуже, чем мне, а я тут, понимаешь, стою и размышляю о том, как мне хреново. Ладно, идти всяко лучше, чем стоять. Глядишь, и приду куда-нибудь...

Я шел по улице – и удивлялся обилию рекламы, призывающей народ покупать, покупать, покупать... Квартиры, машины, одежду, услуги... Рекламой было облеплено всё: витрины, стены домов, щиты, стоящие вдоль улиц, с которых на меня пристально смотрели похожие друг на друга юноши подозрительно слащавой внешности и тощие девушки-фото-

модели с глазами профессиональных убийц. Грустно как-то смотреть на такую рекламу. Как там у классика? «Печально я гляжу на наше поколение...»

Хотя один плакат меня порадовал. На нем не было тощих красоток и юношей формата унисекс. Только слова:

Охранное агентство «ЗБС»

Защита. Безопасность. Сохранность.

Всё будет ЗБС!

Неплохо, черт побери! Не захочешь – zapomнишь. Но это – исключение в море безвкусно поданных призывов тратить деньги на совершенно ненужные вещи.

Даже под ногами была реклама, набитая через трафареты. Странно, что никто еще не додумался подвесить ее на аэростатах или на искусственных облаках. Хотя, скорее всего, небо оставили свободным от призывов тратить деньги потому, что люди, уткнувшиеся в свои гаджеты, не смотрят вверх. Не до того им. Ведь у них в руках уютно устроилась другая жизнь, гораздо более интересная, чем своя. Только успевай нажимать на кнопки, которых на самом деле и нет – лишь световые пятна на экране. Всё иллюзия. Черт, получа-

ется, что Зона с ее реальной кровью, болью и грязью честнее этой иллюзорной жизни...

Правда, через несколько минут я уже перестал обращать внимание на навязчивую рекламу. Наверно, ее и делали с таким расчетом, чтоб она не бросалась в глаза, а плавно так, словно сама собой грузилась в подсознание. Дабы человеку казалось, что он сам пришел к мысли купить абсолютно ненужную ему вещь...

Правда, еще один плакат все-таки привлек мое внимание – уж слишком часто он попадался, чуть не на каждом шагу. На плакате была изображена круглая металлическая блямба с волосками, расходящимися от нее во все стороны, делающая странное устройство отдаленно похожим на многоногого осьминога. И подпись: «Уже завтра в продажу поступает телефон нового поколения! Гаджет, который легко получить и о котором невозможно забыть».

Откровенно говоря, блямба была совершенно не похожа на телефон. Скорее, на какого-то паразита типа многоногого чесоточного клеща. Наверно, поэтому, чтобы скрасить неприятное впечатление, создатели странного телефона нарисовали на нем смайл – две точки, схематически изображающие глаза, и длинную улыбку под ними. Пожалуй, да, со смайлом гаджет выглядел посимпатичнее, типа головы медузы Горгоны, довольной фактом отделения от туловища. В общем – офигеть не встать. И как, интересно, пользоваться такой хренью?

Ответ пришел незамедлительно. Улица поворачивала направо, и сразу после поворота я увидел огромный биллборд-телевизор, присобаченный прямо на фасаде здания. На этом телевизоре к полузадушенному галстуком чуваку в офисном костюме направлялась очкастая гримза с туго затянутым пучком волос на макушке, также запакованная в деловую униформу бизнес-леди. Суровая физиономия деловой дамы не предвещала ничего хорошего.

Однако чувак не растерялся. Выдавив из себя кислую улыбку, он вставил себе в ухо рекламируемого клеща. После чего его костюм моментально превратился в рыцарские доспехи, а офисная обстановка вокруг чувака трансформировалась в великолепно обставленный средневековый зал. Очкастая гримза тоже преобразилась. Очки исчезли, пучок на затылке превратился в тяжелый каскад локонов, офисная униформа стала роскошным платьем. Дама плыла по экрану, довольно пошло вытягивая ярко накрашенные губы в сторону рыцаря. Дальше я смотреть не стал и пошел себе дальше. За спиной раздался смачный «Чмаффф!», перекрывший даже тархтение автомобилей. И утробный голос: «Легко получить, невозможно забыть!»

Я уж подумал, что речь идет о том, что жутковатая хрень будет продаваться на каждом шагу, но следующий биллборд пояснил, что к чему. Блин, оказывается они были развешаны на всех домах вдоль улицы! Вот это рекламная кампания... Рыцарь откинул забрало со следом помады, чтобы чмафнуть

даму в ответ, но та, ловко сунув пальчики в глубину шлема, вытащила из уха ротозея волосатую блямбу. Само собой, средневековые декорации вновь сменились офисом, посреди которого стоял чувак в костюме с совершенно дурацким выражением лица, глядя вслед бизнес-леди, которая, подмигнув ему, вставила гаджет себе в ухо и пошла вдаль, навстречу невесть откуда взявшемуся яркому свету, на котором проявились уже начинающие надоедать мерцающие слова «Легко получить, невозможно забыть!».

– Твою ж душу, – сплюнул я в сердцах. – Лучше б на эти деньги...

Но закончить мысль мне не дали.

Внезапно я увидел, как с противоположной стороны улицы внезапно через сплошную линию разметки начал резко разворачиваться большой черный автомобиль. Я в них не особо разбираюсь, но с первого взгляда было понятно – машина очень дорогая, и водителю плевать на то, что о нем подумают гаишники. Кстати, следом за автомобилем опасный маневр повторил огромный внедорожник сопровождения того же цвета. Охрана, стало быть. Хорошо, что машин в такую рань на улице немного было, а то б точно аварии не миновать.

Завершив маневр, машина остановилась рядом со мной, следом, чуть не касаясь ее бампером, замер внедорожник. Угу. Похоже, это по мою душу. Интересно, кому и зачем я мог понадобиться? Неужто те гаврики с режимного объек-

та настучали куда следует и там оперативно отреагировали? Но я ж не Джеймс Бонд, чтоб меня брали агенты секретных служб, которые, наверно, разъезжают на таких вот машинах. Впрочем, кем бы они ни были, так просто я не сдамся.

Рука сама скользнула под куртку, где на поясе висела моя «Бритва». Может, сразу рубануть по дверце, чтоб отбить охоту у пассажиров вылезать наружу? Хотя, наверно, не сто́ит. Вон у внедорожника охраны стекло вниз отъехало, и в просвете тускло блеснул ствол. Однако выстрела не последовало. Значит, просто предупреждают, чтоб не рыпался. Ладно, не буду. Посмотрим, к чему весь этот цирк.

Между тем задняя дверь автомобиля распахнулась. Из салона потянуло терпкой смесью запахов какого-то вкусного вина, крепких сигар и еще чего-то, чем, наверно, и должны пахнуть внутренности такой машины.

А следом за шлейфом дорогих запахов вылез человек в костюме и галстукe, с холеной физиономией, расположенной под тщательно зализанными назад волосами. Я даже не сразу признал хозяина этой физии, излучающей зашкаливающий уровень благополучия. Лишь когда она расплылась в знакомой улыбке, у меня в голове словно что-то щелкнуло – и я аж присвистнул от удивления.

На тротуаре, картинно облокотившись на дверь машины, стоял Сашка. Бандит из моего далекого прошлого, которое теперь, после стольких лет, казалось чьей-то другой, чужой жизнью, не имеющей ко мне ни малейшего отношения. Кста-

ти, именно этому Сашке я был обязан своим прозвищем, в Зоне превратившимся в позывной, заменяющий имя. Правда, теперь на моем бывшем подельнике был одет не бандитский комплект тех времен: «кожан» плюс широкие спортивные штаны в комплекте с сине-бело-полосатыми кроссовками, а дорогуший костюм и блестящие ботинки из, похоже, самого настоящего крокодила.

– Ну етишкина жизнь! – сказал Сашка, продолжая лыбиться, словно чеширский кот. – А я, значит, смотрю – что это за боец в камуфле стоит и наши борды эдак пристально изучает? А это Иван, мой лепший кореш собственной персоной! Сколько лет, сколько зим, Ваня! Узнал хоть?

– Ага, – сказал я без особой радости. – Узнал.

В пору моей послеармейской юности мы с Сашкой провернули несколько дел, весьма сурово караемых Уголовным кодексом. Тогда я чудом избежал реального срока, после чего наши с Сашкой дороги разошлись, причем, помнится, мой подельник остался мной весьма недоволен. И вот сейчас, после стольких лет, – кто бы мог подумать? Оказывается, я его лучший друг. Надо же, не знал.

– Да чего ж мы стоим-то посреди улицы? – всполошился Сашка. – Присаживайся в мое корыто, братуха, потрать на старого кента чуток драгоценного времени.

Ну, драгоценного времени у меня было вагон и маленькая тележка. Поэтому выпендриваться я не стал и принял приглашение.

Внутри машины запах роскоши был приторно-одуряющим, у меня аж в голове слегка загудело с непривычки. Впрочем, Сашка помог с адаптацией. Открыл дверцу встро-енного бара, достал бутылку виски, щедро, почти до краев налил в две неслабых по размеру бокала, один из которых протянул мне.

– Не люблю я все эти заморские условности, чтоб в стака-не было меньше, чем енот ссыт, а сверху всё это льдом зава-лено, – сказал он. – Давай за встречу по-нашему, по-русски!

И опрокинул в себя содержимое бокала.

Я последовал его примеру, в душе согласившись с еното-вой концепцией распития крепких напитков.

Терпкая жидкость с шоколадным привкусом приятно обо-жгла пищевод. В голове почти сразу зашумело. А Сашка, по-вторив процедуру розлива, отставил бутылку и вольготно от-кинулся на сиденье.

– Вот теперь можно и посмаковать напиток, – сказал он. – И повспоминать. Ты на меня за прошлое не серчай, кто ста-рое помянет – тому глаз вон.

«А кто забудет – тому два», – про себя подумал я, но про-молчал.

– Кстати, читал я твой «Закон проклятого», – хмыкнул Сашка. – Люди посоветовали, сам бы я ни в жизнь не дога-дался, что это твоё творение. Мощный псевдоним ты себе взял, писатель. Это если расшифровать, то получится, типа, сила плюс ловкость, да?

Сашка добродушно рассмеялся. И, не дожидаясь ответа, продолжил:

– Кстати, не особо ты меня в своем романе вывел, чуть ли не подонком последним. Но я это в ущерб не принял. Сам был не прав, так что ровно всё. Кстати, водилу моего помнишь?

Мясистый затылок, сидящий за баранкой, крутанулся на толстой шее – и я увидел изрядно расплывшуюся за это время улыбающуюся харю Макса.

– Мое почтение, кентуха! – дружелюбно подмигнула харя.

– На дорогу смотри, не отвлекайся, – бросил Сашка, и харя немедленно вновь превратилась в затылок с несколькими продольными жировыми складками. – Ты это, Снайпер, какими судьбами снова в столице? Я, кстати, когда немного приподнялся, искал тебя по своим каналам. А ты словно в воду канул.

– Всякое было, – уклончиво ответил я.

– Впрочем, не хочешь – не говори, – улыбнулся Сашка. – У меня же всё пучком, растем-развиваемся. Нынче криминал не в моде, от тех дел я давно отошел, большими деньгами занимаюсь. В частности, моя компания является официальным представителем создателей нейрогаджетов нового поколения. То есть такой аппарат самостоятельно и напрямую через тончайшие нанонити подключается к мозгу человека, создавая стопроцентный эффект присутствия в виртуальной вселенной. Хочешь попробовать? Продажи нового гаджета

начнутся только через два часа, но ты уже сейчас можешь оценить, что это такое.

Он полез в карман, откуда достал маленькую белую коробочку со знакомым уже смайлом на крышке. С заговорщицким видом откинув крышку, Сашка протянул мне коробку, в которой на крохотной бархатной подушке лежала пластиковая блямба из рекламы.

– Вставляй в ухо, не бойся, – вновь ослабился Сашка. – Это будет как первая ракета в космос. Говорят, эти гаджеты – российская разработка. Называются нейрофоны. Скоро весь мир будет их у нас выпрашивать. Но сегодня старт продаж здесь, в Москве!

– То есть ты даже не в курсе, кто их производит? – удивился я.

– Да какая разница, – отмахнулся Сашка. – Главное то, что может эта крошка! Всё просто. Вставил в ухо, нажал на нее – пошло включение. Нанонити абсолютно безболезненно проникают в твой мозг и захватывают все пять органов чувств. Нужно позвонить – просто назвал номер, и не надо таскать с собой неудобные аппараты, которые вечно теряются, бьются, ломаются. Но главная фишка нейрофонов – это, конечно, игры! Полное погружение в виртуальную реальность, наложенную прямо на существующую! Кстати, уровень этого погружения ты можешь контролировать. Как войдешь, в правом нижнем углу увидишь регулятор в виде колесика. Управление взглядом, там просто, разберешься. Поставишь на сто

процентов – и всё, ты полностью в другом мире. Пятьдесят – будешь осознавать и тот, и этот мир как полупрозрачные, наложенные друг на друга...

– Сумасшествие какое-то, – поморщился я.

– Не то слово! – воскликнул мой бывший кореш по темным делам. – Наслаждайся!

И, схватив с подушечки блямбу, ловко сунул мне ее в ухо. Я даже отмахнуться не успел – рука была занята бокалом. Да и не ожидал я такой наглой фамильярности!

Впрочем, возмутиться я не успел.

Мир вокруг меня стремительно начал меняться. Салон автомобиля, Сашка, затылок Макса становились все более тусклыми, картонными, нереальными. Да и бокал в моей руке стал легче и как-то менее осязаем, словно держал я не тяжелую стекляшку, наполненную вискарем, а что-то почти воздушное и слабореальное.

Зато на этот мир, ставший словно нарисованным сильно разбавленными красками, стремительно стал накладываться другой. Фантастический. Вернее, фэнтезийный.

Я был плотно упакован в средневековые латы. Тяжелые. Вполне себе осязаемые. В ладони же я сжимал не стакан с алкоголем, а рукоять меча, вложенного в богато изукрашенные ножны. И сидел я не на кожаной сидухе дорогого автомобиля, а в роскошном кресле, подлокотники которого были инкрустированы разноцветными драгоценными камнями. И вокруг был не салон, а нечто вроде тесной кельи, стены ко-

торой были завешаны средневековыми гобеленами.

– Как тебе обстановка, паладин пятидесятого уровня? – откуда-то издалека, словно через толстый слой ваты донесся до меня голос Сашки. – Только при покупке гаджета сразу дополнительно проплатив донат на сто тысяч рублей пользователи получают с ходу персонажа, прокачанного на пятьдесят процентов. Сейчас, кстати, ты погружен в другую реальность тоже на пятьдесят процентов. Крутани колесико по часовой стрелке – и ты полностью окажешься в иномирье, которое при этом будет соответствовать существующей реальности. То есть если в реальности есть дом, или вот сиденье, например, то и в виртуале это тоже будут дом и сиденье, только соответствующие заявленной эпохе.

– Круто, – равнодушно сказал я, поднимая руку и нажимая на ухо. Меня, повоевавшего в трех мирах, совершенно не впечатлили виртуальные доспехи и оружие, пусть даже очень и очень реальные по ощущениям.

Послышался тихий щелчок. Доспехи, меч и гобелены стали стремительно таять, и вскоре исчезли без следа. Я снова сидел в Сашкином автомобиле, медленно едущем по дороге.

– Что ж ты полную реальность-то не включил? – раздосадованно произнес Сашка. – Самый смак не прочувствовал. Полное, стопроцентное отключение от обыденности!

– Мне хватило, – сказал я. – А сколько сам гаджет стоит? – Сто тысяч. Сотка сам нейрофон плюс по желанию сотка за донат. Тогда уровень автоматически прокачивается до

пятидесятипроцентного, и помимо этого можно дополнительно всяких фишечек закупить. Продвинутый обучающий курс по игре, вступление в хороший клан без экзаменов, премиальную карту в одном из банков, подключенных к системе «Гаджет»...

– В смысле – в одном из банков? – не понял я.

– А что тут не понятного, – пожал плечами Сашка. – Если ты открываешь счет в банке, подключенном к нашей сети, тебе на игровой счет падают баллы, которые ты можешь потратить в магазинах, тоже подключенных к системе. Прожил в стопроцентной игровой реальности сутки – еще баллы заработал. Уговорил друга купить нейрофон – еще баллы. Игра не мешает жить и работать в реальном мире, просто она делает эту жизнь интереснее и красочнее!

– Возможно, – хмыкнул я. – Но мне просто интересно – неужели найдется хоть один человек, который отдаст двести тысяч за блямбу в ухе и виртуальные картинки, навеянные этой блямбой?

Сашка расхохотался. Следом заржал Макс, словно я и вправду сморозил что-то несусветное.

– Да ты, по ходу, новости не смотришь, – сказал Сашка, ткнув пальцем в сторону трехэтажного супермаркета, мимо которого мы проезжали. – Смотри. Просто смотри!

Современный магазин из бетона, стекла и металлических конструкций кольцом обвивала очередь. Длинная. Человек в двести, не меньше. Магазин еще не открылся, но люди стоя-

ли возле закрытых дверей, которые охраняли двое габаритных полицейских. А над входом в магазин висело рекламное табло, на котором светилась мигающая надпись:

«До начала продаж нейрофонов осталось 14 минут 32 секунды... 14 минут 31 секунда...»

– Пришлось ментов подтянуть, – сказал Сашка. – Боимся, что, как начнутся продажи, двери вынесут и друг дружку передавят. Меньше чем через час по всей Москве откроются сто шестьдесят четыре точки продаж. И, как докладывают мне коллеги, возле каждой такие очереди. Это ворота в новый мир, Снайпер. Уход от обыденной, скучной жизни в мир радости и настоящего, осязаемого счастья...

Похоже, Сашка снова сел на своего любимого конька и вот-вот готов был выдать еще с десяток хорошо заученных рекламных текстов. Но мне весь этот цирк начал уже немного надоедать, поэтому я перебил его, задав прямой вопрос:

– Слушай, а зачем ты мне все это рассказываешь?

Сашка осекся, посмотрел на меня удивленно, словно я какую-то чушь сморозил, и сказал:

– А ты еще не догадался? Хочу тебя к себе начальником охраны взять. Те раздолбаи, что сейчас за нами в «гелике» катятся, это так... Тела для престижу. Тупое, бесполезное мясо. Мне же реальная охрана нужна. Наш аналитический центр прогнозирует рост оборота моей компании за этот год на тысячу триста процентов. Сам понимаешь, найдется много желающих наложить лапу на такие бабки.

– Почему именно я?

– Нужен проверенный человек, которому я могу доверять, – после небольшой паузы сказал Сашка. – Мы с тобой в свое время общие дела делали, кореш ты надежный. Лучшей рекомендации мне не надо.

– Я подумаю, – сказал я, протягивая бывшему подельнику блямбу, вынутую из уха.

– Оставь себе, – вновь широко осклабился Сашка, продемонстрировав во всей красе слишком ровные и слишком белые зубы для того, чтобы они были настоящими. – Подарок старому кентухе. Если надумаешь ко мне, просто вставь этот гаджет себе в локатор и скажи «Александр Трофимов». Заодно и посмотришь, как нейрофон-связь работает. Полный эффект присутствия, будто с живым человеком разговариваешь. Только надо реал-режим поставить на сто процентов...

– Разберусь, – кивнул я.

– А если не разберешься, вот тебе моя визитка, – сказал Сашка, протягивая мне пластиковый прямоугольник с золотым тиснением.

– Как надумаю – позвоню, – сказал я, пряча визитку в карман. – А сейчас останови машину, пойду я, пожалуй.

– Иди, – хмыкнул Сашка. – Есть куда идти-то? Может, подвезу?

– Не надо, – сказал я. – Прогуляться хочу.

– Ладно. Макс, тормозни.

Макс тормознул. Я вышел из машины и вдохнул полной

грудью далеко не пахнувший цветами воздух Москвы. Но уж лучше он, пропитанный выхлопными газами, чем удушливо-дорогая, искусственная, ненатуральная вонь внутри Сашкиного автомобиля.

– Жаль будет, если не договоримся, – бросил мне вслед бывший коллега по криминалу. – Поехали, Макс.

И уехал.

Я же подошел к автобусной остановке и присел на лавочку. Действительно, надо было подумать о том, как дальше жить. Крепко подумать. Основательно.

Охранять Сашкино тело мне отчаянно не хотелось. Зато столь же отчаянно хотелось жрать. Не есть, а именно жрать! Разогретый дозой спиртного желудок отчаянно требовал закуски.

В двадцати шагах от остановки прямо на первом этаже жилого дома расположился небольшой круглосуточный ресторан – на слабый запах еды, тянущийся из-за его закрытых дверей, мой желудок и отреагировал.

Я вздохнул. Конечно, можно было растянуть мои скудные финансы на несколько дней, закупив недорогих консервов. Но уже было понятно: покуда я буду искать тот консервный магазин, с голодухи собственный язык сжую...

Вздохнул я еще раз – и направился в ресторан.

Заведение находилось в подвале. Спускаешься по лестнице и словно в болото погружаешься в ароматы, от которых слюнями можно захлебнуться. Интерьер заведения роско-

шью не блистал – барная стойка, мощные деревянные столы с придвинутыми к ним тяжелыми стульями из того же материала. На стенах картины из охотничьей жизни и головы зверюшек, укоризненно смотрящих глазами-пуговицами на жающих клиентов ресторана.

«Ну и нормально, – подумал я. – Если отделка не из золота-парчи, глядишь, и не так больно обдерут».

Но открыв меню, я понял: попал. На все свои сбережения до копейки. Поборовшись немного с собственной жабой, я ее благополучно победил и заказал себе свиные ребрышки, сосиски по баварски, жульен и графин кизилового компота, чем вызвал удивление в глазах официантки. Ну да, под такую снедь полагается литр пива, а то и два. Но мне на сегодня алкоголя было достаточно. Подсказывала чуйка – что-то сегодня будет, для чего голова нужна свежей, не отравленной «ершом». К тому же никогда не пробовал я кизилового компота. Так почему ж не воспользоваться случаем?

Когда очень сильно хочешь жрать, ожидание заказа превращается в пытку запахами, несущимися из кухни. Поэтому, чтобы отвлечься, я достал телефон ботана, включил и принялся жамкать на цветные кнопки, осваивая управление. Которое, по словам бывшего хозяина лопатообразного телефона, должно было быть интуитивно понятным.

Но то ли у меня с телефонной интуицией было не всё в порядке, то ли я просто одичал слегка, шатаюсь по Зоне, но разобрался я лишь с тем, как можно позвонить с этой шту-

ки да как включить видеокамеру, – и то случайно нашел. Остальные премудрости остались для меня за кадром. Ладно, может, это спьяну да с голодухи. Попробую в следующий раз, когда буду сытый и кристально трезвый.

Убрав дареный гаджет в карман, я достал останки своего древнего КПК и начал в нем ковыряться на предмет того, как можно его починить. При этом я невольно перехватил удивленный взгляд девушки, сидевшей через стол от меня за чашкой кофе. Наверно, оно и понятно – только что мужик крутил в руках современный телефон, а сейчас пытается реанимировать какого-то динозавра. Впрочем, с появлением нейрофонов подозреваю, что подаренный ботаном телефон тоже за считанные недели переместится в категорию ископаемых.

Поглядывая на меня, девушка не забывала при этом бойко и звонко трепаться по телефону – настолько звонко, что я невольно слышал весь разговор.

– Конечно, возьму. Стою уже. Я в очереди девяносто третья. Вот кофейку у народа отпросилась попить, а то всю ночь простояла, уже и ноги не держат. За мной сколько стоит? Да человек двести, не меньше. Понимаю, что дофига, а какие варианты? Ага, за двести штук, полный пакет. Ну что «откуда», кредит взяла в банке. Теперь год буду сидеть на вынужденной диете.

Тощий официант принес мне кувшин компота и высокий пивной бокал – явно с намеком. Я на его намеки по-

ложил с пробором, разом выдув чуть не половину кувшина сладко-кислого напитка, оказавшегося на удивление вкусным. При этом процесс выдувания ничуть не мешал мне тихо офигевать от того, что происходит в окружающей меня вселенной. Люди выкладывали сумасшедшие деньги за какую-то чушь крысособачью. За кинотеатр в башке, по факту – за нарисованные глюки. И готовы были ради них голодать целый год... Я хренею, чесслово.

Между тем принесли мой заказ, который я употребил вовнутрь со скоростью, достойной лучшего применения. Просто уж очень жрать хотелось. И пока я питался, в голове моей созрело твердое решение. Ну его, этого Сашку. Пусть кто-нибудь другой его тело сторожит. А если так, то и нахрен мне не облокотился его презент, больше похожий на подачку с барского плеча.

Вытерев влажной салфеткой руки, жирные после ребрышек, я поднялся со своего места, подошел к столику девушки и, достав из кармана Сашкин гаджет, положил перед ней. И принялся наблюдать, как медленно округляются ее глаза.

– Что это?.. – пролепетала она, не отрывая глаз от блямбы со смайлом.

– Презент, – буркнул я. – Не голодай, не надо.

После чего, не реагируя на несущиеся вслед тихие «но я не могу принять такой дорогой подарок... Он же кучу денег сто́ит... За что мне?..», вернулся к своему столику. Подозвал официанта и рассчитался. Как раз чётко хватило и по счету

расплатиться, и даже тощему на чай полтинник остался. От такого бонуса официант слегка скривился – видать, привык получать больше. Но больше у меня не было. Вообще. Как говорится, чистые карманы – чистая совесть.

Перед тем как уйти, я еще раз бросил взгляд на девушку, которая трясущейся рукой несла блямбу к уху, глядя при этом на меня. В ее глазах стояли слезы. Трогательно, ага. И в то же время как-то не по себе. Такие эмоции по поводу пластиковой хреновинки, начиненной электроникой. Ну дела...

Поднялся я по лестнице значительно медленнее, чем спускался. Когда бежишь питаться, ускорение само собой включается. А вот после заправки – совсем другое дело. Тело отдыха просит, валяния на диване, размышлений о вечном. И настроение умиротворенное такое. Спокойствия хочется. Отдыха от событий, которыми моя жизнь наполнена, словно мусорный ящик отходами. Только успевай выгребать.

Я открыл дверь, вышел из ресторана, сыто улыбнулся тусклому осеннему солнцу... и насторожился. Ибо из-за угла дома слышались возбужденные голоса. Что-то там явно произошло нехорошее. Может, помощь кому нужна?

По сытости я человек сердобольный и отзывчивый. Это с голоду как придется, а с полным брюхом – завсегда. Тем более когда абсолютно делать нечего. Ну и поперся я за тот угол посмотреть что же там произошло.

На свою голову.

Потому, что за углом на асфальте лежал человек. Тот са-

мый бомж, который вытащил мою старую одежду из мусорного бака.

Сейчас он был в нее запакован с ног до головы, и, надо признать, кожаный прикид шел ему гораздо больше, чем его старые обноски. Правда, всё это положительное впечатление от смены гардероба портил длинный и глубокий разрез, пересекавший горло бомжа от уха до уха. К гадалке не ходи, профессионал поработал. Только хорошо тренированная рука может так полоснуть, достав лезвием до позвоночника и гарантированно перерезав горло вместе с сонными артериями. Под бомжом уже успела натечь большая темная лужа крови, и люди, толпящиеся возле трупа, очень старались не влезть в нее подошвами.

Впрочем, стихийно собравшаяся толпа столь же быстро начала рассасываться, когда вдали раздался вой полицейской сирены. Посмотреть на чужую смерть, пощекотать нервишки, потешить себя мыслью «а вот я живой!» – это все не прочь. А вот становиться свидетелем по уголовному делу желающих всегда немного.

Народ чуть не бегом ретировался с места происшествия. И при этом мне показалось, что по мне мазнул чей-то внимательный взгляд. За время моих скитаний по зонам оживленных боевых действий такие взгляды начинаешь чувствовать кожей, на уровне интуиции. Так смотрят на потенциальную жертву убийцы со стажем, прикидывая, в какую точку живой ростовой фигуры лучше вогнать пулю, чтоб наверняка пора-

зить мишень. Или куда нож всадить так, чтоб острие клинка по пути не наткнулся на какой-нибудь твердый предмет типа пуговицы или записной книжки.

Я аж замер на месте, пытаюсь понять, кого же это я так интересую. Но в пределах видимости были лишь быстро удаляющиеся спины несостоявшихся свидетелей да бомж, устремивший неподвижный взгляд в серое московское небо.

И тут до меня стало понемногу доходить...

Еще в Зоне слышал я, что Москва сейчас совсем не то, что во времена моей юности. Что тут уже как-то не особо принято грабить людей по ночам в переулках, и уж тем более резать их на улицах среди бела дня. Нет, случается, конечно, и такое, но не в течение суток с одним и тем же человеком. Плюс несколько странное пробуждение сегодняшним утром. Вместо того чтобы задержать или просто выпроводить с запретной территории, меня, если разобраться, попытались убить ни за что ни про что.

Иначе говоря, кому-то в этом городе я очень сильно мешал. Вот только кому? Загадка... Но ясно было одно – неведомый убийца не остановится до тех пор, пока не отправит меня в Край вечной войны, из которого не возвращаются. Как того бомжа, которого по воле случая приняли за меня. И который теперь уже точно никому на свете не мешает...

Внезапно позади меня раздался женский взвизг, который вывел меня из задумчивости.

Я обернулся.

Возле ресторана стояло несколько автомобилей, и около одного из них наблюдалась возня. Та самая девчонка, которой я подарил нейрофон, словно бойцовая собака повисла на каком-то длинном, тощем хмыре с жилистой шеей, одетом по погоде – в черные джинсы и черную кожанку поверх толстовки.

Я против кожанок и толстовок ничего не имею. Просто как-то сразу вспомнилось мое ночное приключение, где ребята в похожем прикиде пытались отнять у меня мое имущество, а теперь, как выясняется, возможно, и жизнь впридачу. А что, вполне вероятно. Ну грохнули при попытке ограбления понаехавшего в Москву выходца с украинских зараженных территорий. Будет кто разбираться, за что и почему? Ох, вряд ли...

Всё это я продумывал на бегу, стремительно сокращая расстояние до хмыря, норотившего стряхнуть с себя девчонку.

Но не тут то было.

Деввица попалась цепкая и слегка отмороженная, ибо уцепилась она за кожаного не только руками, но и зубами ему в руку впиалась чуть повыше локтя. Видать, чем-то он крепко ей насолил. Но это было уже неважно, ибо хмырь явно примеривался, как бы половчее треснуть девчонку кулаком свободной руки, чтоб она свою бульдожьё хватку ослабила.

Вот этого я не люблю. Ладонью слабый пол хлопнуть по мягкому месту – это святое, это для взаимного удовольствия.

А вот кулаком, как мужика, – это край. Если, конечно, женщина не целится в тебя из чего-то огнестрельного или ножом не пытается пырнуть. Во всех остальных случаях я избивание женщин категорически осуждаю. Вплоть до того, что готов впрячься в дело, совершенно меня не касающееся, дабы научить хама обращению с дамами.

Топот моих берцев по асфальту заставил кожаного обернуться. И я увидел глаза. Странные. Бесцветно-прозрачные, словно кто-то заполнил водой полые стеклянные шарики и вставил их в пустые глазницы, наметив маркером крохотную черную точку зрачка. Нечто подобное я видел лишь у мутантов на зараженных землях. Что ж, все закономерно. Человека, собирающегося ударить женщину кулаком, иначе как мутом назвать нельзя. И, как говорится, мутанту – мутантово.

Не сбавляя хода, я треснул водоглазому прямо промеж его уникальных гляделок. И ощутил неприятный хруст под костяшками пальцев – верный признак перелома спинки носа. Ох, и хлынет сейчас из разможенного нюхала прямо на мою новую куртку! Как-то я не подумавши начал девушку спасать...

Но – не хлынуло. Жилистый только башкой мотнул. После чего отпустил девчонку – и я едва успел уклониться от мощного и быстрого крюка с левой. Блин, похоже, опытный боксер попался, что, кстати, подтверждает и его нос, по ходу, не раз ломанный в спаррингах. От хрящей там ничего уже не осталось, поэтому от удара нюхало лишь хрустит да вмина-

ется в череп. Черт... Боксер – это плохо. В бою с ним кулак на кулак ловить совершенно нечего.

Но мы были не на ринге с судьей и правилами, а на улице, где законы драки совершенно иные. Проще говоря, их нет. И кто победил, тот и молодец вне зависимости от того, каким способом он достиг той победы.

Уклонившись от крюка, я резко двинул водоглазого носком берца по голени, будто футбольный мяч пнул. Хорошо так саданул, от души, подкрутив удар всем корпусом. Нормальный человек от такого пинка обычно падает, схватившись руками за ушибленное место...

Тут же я словно в железный лом ударил. Нет, этот мутант с водянистыми гляделками споткнулся – но не более. И пока я долю секунды подвисал от удивления, звезданул мне в скулу с правой. Я даже удара не увидел. Так, мелькнуло что-то, после чего мою голову нехило тряхнуло.

Боли не было, лишь картина мира слегка размылась. Боль потом придет, когда адреналин отпустит. Но сейчас нужно было что-то делать, пока водоглазый парой-тройкой ударов не закрепил результат. Уже понятно, что бить его как обычного человека бесполезно – боли он не чувствует. Ладно. Придется удивлять необычного противника.

Я чисто рефлекторно заблокировал его второй удар. И уже понимая, что от третьего мне не уйти, со всей силы хлестанул по белым глазам обратной стороной кисти. Расслабленными пальцами отработал, словно плетью. Жуткий удар, ес-

ли ударить правильно, вдоль, захватывая оба глаза и заодно сворачивая набок нос...

Впрочем, водолазому это по барабану, нос у него специфический. А вот по глазам – проняло. Хотя мы и ударили практически одновременно, но по моей челюсти он немного промахнулся. Не проникающим треснул, а вскользь чиркнул. Что, кстати, тоже ни разу не подарок. Это как по ручке сковородки пальцем слегка ударить. Вроде ерунда, а тяжелая чугунная сковорода всё равно провернется вокруг своей оси. Ибо принцип рычага никто не отменял.

При ударе в челюсть подбородок и выступает для всей головы такой вот ручкой сковородки. То есть даже от слабого удара мозг по-любому сотрясается. Вот и меня тряхануло.

Уже полуразмытая картина мира стала совсем мутной, будто я через грязный аквариум глядел. Впрочем, это не помешало мне собраться и хорошо так, от души двинуть согнутыми пальцами по горлу замершего на месте водолазого. Он как раз глаза тёр, пытаюсь восстановить зрение, вот между рук я ему и вдарил. И несмотря на то, что и сам я, поймав башкой два удара, видел неважно, – попал. Хорошо так, аж почувствовал прям, как его трахея вмялась внутрь шеи и вроде даже хрустнула. Плохо. Убивать своего противника я не хотел, лишь научить хорошим манерам. Но обратная сторона хорошо отработанных навыков в том, что ты порой вроде и хочешь ударить послабее, а получается как всегда...

Водоглазый как-то неестественно скрючился, захрипел,

упал на колени, теперь уже держась за горло. То есть настал тот самый момент в драке, когда победителю рекомендуется валить со всех ног с места происшествия, если он, конечно, не хочет оказаться на скамье подсудимых. Но самое неприятное было в том, что бежать я не мог. К горлу подкатила тошнота, и я принялся усердно блевать, в душе при этом матерясь весьма заковыристо. Обидно же отдать такие деньги за завтрак для того, чтобы через десять минут разукрасить им серый и скучный московский асфальт.

А между тем сирены всё приближались... Конечно, не столь быстро, как могли, – улицы уже были заполнены автомобилями, люди спешили на работу, и даже с сиренами-мигалками пробиться сквозь пробки было непросто. Но если я еще немного промедлю, то на десерт вполне могу получить дополнительных звездюлей дубинками по горбу плюс стальные браслеты на запястья.

Внезапно меня схватили за отворот куртки и довольно сильно дернули.

– Хорош блевать! – скомандовал решительный женский голос. – Валить надо, пока он не очнулся!

Я от неожиданности аж икнул – и тут же вправду перестал освобождать желудок от съеденных вкусняшек. А может, они просто там закончились. Впрочем – не суть.

Я поднял голову и, с трудом сфокусировав зрение, рассмотрел, кто ж это столь нахально мешает мне разукрашивать асфальт. Ожидаемо ею оказалась та самая девчонка, ко-

торуя я спас. Интересно, на кой я ей сдался? Ну заступился за тебя мужик, ну и беги подальше от этого места, радуясь, что не тебя, а его по портрету отоварили. Ибо не чувствующий боли супостат с жуткими водянистыми глазами вполне может очнуться и продолжить. Ну, теоретически. Либо правоохранители появятся и примутся привлекать, дознавать и возбуждать. И еще неизвестно, что проблемнее, в табло получить или привлечь. По мне, так в табло – намного приятнее.

Но девчонка явно была иного мнения. Оставив в покое воротник моей куртки, она уцепилась за ее рукав и с неженской силой потащила меня к парковке. Кстати, я не особо и сопротивлялся. Когда тебя увлеченно спасает от неприятностей симпатичная с виду девчонка, то как-то, наверно, глупо будет упираться. Да и зачем?

Думалось туго. Сотрясенным мозгам свойственно тупить. Поэтому, когда девчонка открыла дверь выдавшего вида белого «Форда» и впихнула меня внутрь, я как-то даже и не спросил, на фиг я ей сдался. Впрочем, когда машина тронулась и свернула в проулок, подальше от забитого машинами проспекта, я всё узнал сам.

– Представляешь, этот чертов наркоман у меня нейрофон хотел отнять! Сволочь! Я из ресторана выхожу, а он подлетел и пальцем мне в ухо ткнул. Гаджет и вывалился. Он хватя его и бежать собрался. А я в этого уroda вцепилась как бульдожка. Чувствую, сейчас бить будет! Но мне все равно, пусть

бьет, но нейрофон не отдам!..

Она тараторила что твой пулемет, а я чувствовал, как внутри моего черепа нарастает боль. По ходу, не столько от удара водоглазого наркоши, сколько от болтовни моего водителя...

– У тебя сотрясение, сто процентов. И рассечение под глазом. Я медсестрой работаю в частной клинике, так что можешь мне верить, я знаю. Сейчас заедем ко мне, я обработаю рану и пару уколов тебе сделаю, чтоб голова не болела и не тошнило. И да, меня Анжеликой зовут. Маме нравились фильмы про Анжежику, а папа не возражал, вот и назвали. Мама хотела, чтобы дочка была такой же умной и красивой, как та актриса, не помню как ее зовут, но ты видел те фильмы, наверно. Только сразу предупреждаю – руки не распускать. Никакого секса, понял? Еще не хватало, чтобы я трахалась с первым встречным, пусть он даже мне дорогой гаджет подарил и от хулигана спас. Я не из таких, ясно тебе?

– Ясно, – сказал я.

Блин, да за что ж мне такое, а? Почему некоторым девушкам просто необходимо, чтоб у них под носом вибрировал воздух? Как же они спят без этой вибрации? Хотя некоторые из них и во сне разговаривают...

Впрочем, пытка словами продолжалась недолго. Медсестра по имени Анжелика жила неподалеку, на первом этаже типовой девятиэтажки. В маленькой «однушке» был сделан косметический ремонт, поставлен огромный шкаф во

всю стену с зеркальными раздвижными дверями и такая же огромная кровать. Напротив кровати на стене большой плоский телевизор висит. Вот и весь интерьер. Даже стула нет. По ходу, вся жизнь медсестры происходила на кровати, заваленной какими-то сумочками, пультами, наушниками и прочей дребеденю.

– Я щас, – сказала Анжелика, швыряя пальто на кровать, а связку ключей на подоконник. И убежала на кухню, откуда немедленно раздался грохот, звон чего-то и возглас «вот, блин, сволочь такая!». И дополнительный поток слов, в деталях описывающий грёбаный стакан, который, зараза, подвернулся под руку.

Мне же надо было лечь. Голова кружилась, тошнота подкатывала к горлу. На этот случай имелась у меня аптечка, привезенная из Зоны отчуждения. Синяя такая, хоть и небольшая, но стбщая как чугунный мост. Потому как были в ней препараты, которые на Большой земле в аптеках не найдешь. По ходу, экспериментальные. Ну правильно, на ком еще тестировать новейшие лекарства на предмет последствий их применения? Такие, от которых процентов на восемьдесят загнуться можно. Правильно, на обреченных. Военных, служащих в Зоне, и нас – тех, на кого вояки охотятся. Служивым такие аптечки выдавали – да и то не всем. Нашему же брату барыги продавали их за бешеные деньги. А куда денешься? Жить захочешь – купишь. Потому как препараты из этих аптечек реально работали.

Например, сейчас в ней помимо всего прочего лежала таблетка, которую наш брат сталкер так и называл: «от сотряса башни». Здоровенная такая, с двухрублевою монету. И, как и большинства экспериментальных препаратов, без названия. Просто запаянный пакетик с красноречивым знаком: контур головы с пылающим мозгом внутри, перечеркнутый красным крестом. Знающие люди говорили, что в этой таблетке содержится какое-то сложное сочетание мощных ноотропов с вазотропами плюс обезболивающее. Ну и какие-то лютые побочки обещали после его приема. Куда ж без них, если препарат экспериментальный. Что же, проверим.

Разжевал я, значит, ту таблетку, проглотил, после чего, не церемонясь, расчистил место на кровати, снял берцы, куртку и улегся прямо поверх небрежно наброшенного покрывала. Понимаю, что невежливо, но если дева притащила к себе мужика, получившего по морде вместо нее, то он точно не виноват, что у той девы нет в спальне даже табуретки.

Похоже, я ненадолго вырубился. Потому что врубился вновь лишь от громкой команды, прозвучавшей прямо над ухом:

– Давай руку!

Я открыл глаза.

Надо мной стояла Анжелика в коротком белом халатике с эмблемой какого-то медцентра, под которым топорщились небольшие, но аппетитные выпуклости. В руках у медсестры был поднос, на котором лежал пятикубовый шприц,

наполненный желтоватой жидкостью, пластыри, спиртовые салфетки и еще что-то, наверняка способствующее возврату побитого рыцаря в строй.

Глаза у медсестры были масляные и отсутствующие. Остатки, что ли, она, пока я пребывал то ли во сне, то ли в отключке?

– Твой нейрофон просто прелесть, – сказала Анжелика, ставя поднос на край кровати. – Представляешь, сейчас я амазонка в секси-доспехах! Я даже их вес ощущаю. И кинжал на поясе. Могу его достать, потрогать. Только не знаю, можно ли им порезаться. Я ж понимаю, что всё это ненастоящее. Но в то же время оно такое реальное!

От боли в голове и тошноты остались лишь слабые отголоски – похоже, чудо-таблетка подействовала! Поэтому болтовня девушки меня даже слегка заинтересовала.

– А я кто? Ну, в смысле, кем ты меня видишь?

Она медленно перевела на меня взгляд.

– Ты конюх, – сказала она. – Сексуальный такой конюх. Статус «раб», уровень ноль, звание странное – «неохваченный». Но это ничего, я толерантна к мужчинам, которые готовы меня защищать. Поэтому давай руку, укол тебе сделаю внутривенный чтобы голова не болела и не тошнило.

«Офигеть... – пронеслось у меня в голове. – Конюх, да еще и раб. Дать бы в глаз тому, кто такую игру разрабатывал».

Но все эти мысли были постольку-поскольку, как бы на

периферии сознания.

Ибо занято оно было сейчас совсем другим...

– Не надо мне укола, – сказал я, словно загипнотизированный глядя на ноги Анжелики, чуть прикрытые подолом не особо длинного халата. Блин, что со мной? Девчонка, конечно, симпатичная, но не настолько, чтоб я на ее колени смотрел, как голодный удав на кролика. Неудобно даже...

А еще неудобно мне было в штанах, где по моим ощущениям творилось что-то чудовищное, готовое их прорвать и вылезти наружу, словно голодный монстр, жаждущий нежной женской плоти. Блин, неужто это и есть та самая побочка, о которой не хотели говорить бывалые ветераны Зоны? И правда, на зараженных землях при отсутствии женского пола очень неудобный эффект...

Но тут женский пол присутствовал! В коротком халате!! И даже не страшный с виду!!!

Похоже, Анжелика даже одурманенная своим нейрофоном, почувствовала мои животные флюиды. На несколько мгновений ее отсутствующий взгляд приобрел осмысленность. Этим осмысленным взглядом она скользнула по моим горящим глазам, потом перевела его на мою топорщащуюся ширинку. Туда она смотрела дольше, видимо, осознавая происходящее. После чего решительно мотнула головой и сказала, явно борясь то ли с собой, то ли с дурманом нейрофона:

– Нет. Сначала укол.

– Нет, – в тон ей ответил я. – Укол потом.

И бросился на нее, словно мутант, дорвавшийся до свежей человечины.

Блин, эти яйцеголовые сволочи-изобретатели хоть бы писали на своих пакетиках о том, что ждет несчастных девушек, случайно оказавшихся на пути мужика, принявшего их адское снадобье. Анжелика сначала стонала, потом визжала – надеюсь, от счастья. Потом снова стонала, но уже гораздо слабее, чем в начале. А потом я, энергично двинув тазом, сломал кровать. Громадный траходром, не рассчитанный на такие нагрузки, жалобно скрипнул, в нем что-то треснуло, и матрас провис книзу, словно гамак.

Впрочем, это ни на что не повлияло. Я продолжал вбивать Анжелику в пружины, попискивающие под обивкой – и при этом моя человеческая составляющая, от которой осталось совсем немного, экстремально офигевала от происходящего. Я и не знал, что способен на такое, как в популярной цыганской песне – раз, еще раз, и еще много-много раз, в режиме то ли швейной машинки, то ли парового молота. Мама дорогая, главное, чтоб девчонка выжила, а то у нее уже и глаза закатились. То ли от счастья, то ли сознание потеряла, то ли...

Внезапно она выгнулась, едва не встав на мостик, причем сделала она это без рук. Меня сбросило с нее, словно пушинку, при этом мое орудие взаимной пытки выстрелило мощной очередью. Похоже, со страху.

Потому, что лицо Анжелики изменилось.

Его перекосила жуткая судорога, приподнявшая верхнюю губу и обнажившая зубы. Но это было не самое страшное. Глаза девушки были пустыми и водянистыми, как у того урда-наркомана, которого я вырубил возле ее машины.

– Тебе нужен укол, – пробормотала девушка, проворно прыгивая с кровати. Во время наших эротических упражнений принесенный Анжеликой поднос грохнулся на пол, но шприц она нашла быстро. Подхватила его с пола и ринулась на меня, замахнувшись, словно для удара ножом.

В подобных случаях у меня мозг отключается напрочь, остаются одни рефлексy. Которые я бы, может, и хотел проконтролировать, но не получится. Нароботаны они до автомата на зараженных землях.

Вот на этих рефлексax я и ударил. Ногой. В грудь Анжелики, летящей на меня в прыжке со своим шприцем.

Нехороший это удар, да еще на встречном движении. Я прям почувствовал, как там, в груди девушки, хрустнуло. И увидел, как она, отброшенная ударом, попыталась вскочить с пола, чтобы вновь броситься на меня...

Но у нее ничего не вышло.

Тело Анжелики неестественно выгнулось, словно она пыталась вздохнуть, но у нее ничего не получалось. Выронив шприц, она схватилась за горло и упала на пол, корчась в судорогах.

Через минуту всё было кончено. Девушка дернулась в последний раз – и замерла, скрючившись на полу. Блин, жаль.

Не хотел я ее убивать. Но при хорошо поставленном встречном ударе ногой в точку чуть выше солнечного сплетения результат предсказуем. Ломается грудина, отломки смещаются, и мечевидный отросток просто разрывает сердце... Хотя какой у меня был выбор в этой ситуации? Анжелика явно хотела убить меня, и, похоже, в ее шприце были точно не витамины.

Итак, я в чужой квартире, голый, с лежащим на полу в двух метрах от меня свежепреставившимся трупом. Что делать?

Ну явно не бегать кругами, схватившись за голову.

Я сходил в ванну, помылся, вытерся махровым полотенцем, которое потом аккуратно развесил на полотенцесушителе. Типа, не было никого тут, и никто спешно не заметал следы необходимой самообороны.

Вернувшись в комнату, я оделся, застелил постель и даже подставил на место сломанные ножки кровати. Кто сядет на нее, скорее всего, грохнется, но связать этот факт с трупом уже не получится. Может, так и было, может, это следователь грузный попался, вот и сломал койку.

Проделав все эти манипуляции, я сходил на кухню. Ну да, понятно всё. На столе стояла наполненная желтоватой жидкостью бутылка с красноречивой надписью «Крысиный яд. Осторожно!». Анжелика даже ни разу и не наврала. Думаю, если ввести пять кубов этой панацеи внутривенно, то потом никогда больше ни тошнить не будет, ни голова не заболит.

Ибо мертвые не болеют.

Взяв из стопки чистых полотенец одно, я обмотал им буйтыль, чтоб отпечатков не оставить, после чего спрятал ее под раковину. Не пользовался тут никто ядом, купили и забыли. Потом сходил в ванную, протер тем же полотенцем краны и, вернувшись в комнату, также тщательно прошелся по всем поверхностям, которых мог касаться. Следы нашей с Анжеликой неожиданной любви тоже подчистил как мог. Полотенце, которым уничтожил улики, выброшу в мусорный контейнер через два-три квартала отсюда. В общем, нормально. Живого себя обезопасил, теперь можно и трупом заняться.

Подойдя к мертвой девушке, я присел на корточки, осторожно повернул ее голову и нажал на нейрофон. Не нужно нам лишних привязок к тому, кто ей его подарил, ибо подозреваю, что шибко умное средство связи вполне может рассказать обо мне кому не надо.

Однако ничего не получилось. Блямба как сидела довольно плотно в ухе, так и осталась сидеть. Интересно. Я нажал сильнее. Эффект тот же. Так-так...

Я достал из кармана складной нож-«шестерку», раскрыл и кончиком клинка осторожно подцепил гаджет. Хмм, дело пошло, но довольно туго. Блямба немного поддалась, но что-то довольно прочно удерживало ее в ушной раковине. Я нажал на рукоятку сильнее.

Ощущение было, словно я отрываю от плоти накрепко присосавшееся насекомое. Но – отрываю. От гаджета в че-

реп девушки уходили длинные тончайшие черные нити, которые, несмотря на значительное усилие с моей стороны, не рвались. В какой-то момент мне показалось, что они сопротивляются – шевелятся, извиваются, не желая отпустить законную добычу. Хотя я был практически уверен, что мне это показалось. Просто обстановка навевала – сижу я, значит, и ташу из уха трупа свой подарок. Чего хочешь покажется.

Впрочем, я человек не впечатлительный, удивить меня чем-то трудно. А уж блямбой с ножками как у медузы – тем более. В общем, через несколько минут почти ювелирной возни у меня в руке оказался этот гаджет. Кусочек пластика с тонким пучком волоси длиной чуть больше дециметра, слегка слипшимся от крови. Неприятная вещица. Как представляю, что я ее себе в ухо вставлял, так мороз по коже. Интересно, почему он не покинул голову Анжелики самостоятельно, когда я на него нажал? Может, потому, что девушка мертва и эта штуковинадохнет вместе с владельцем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.